

Три режима гендерного гражданства: опыт восприятия социальной политики российскими женщинами трех поколений

DOI: 10.19181/inter.2021.13.3.1

Ссылка для цитирования:

Чернова Ж. В., Шпаковская Л. Л. Три режима гендерного гражданства: опыт восприятия социальной политики российскими женщинами трех поколений // Интеракция. Интервью. Интерпретация. 2021. Т. 13. № 3. С. 12–43. DOI: <https://doi.org/10.19181/inter.2021.13.3.1>

For citation:

Chernova Zh. V., Shpakovskaya L. L. (2021) Three Regimes of Gender Citizenship: Social Policy Experience of Three Generations of Russian Women. *Interaction. Interview. Interpretation*. Vol. 13. No. 3. P. 12–43. DOI: <https://doi.org/10.19181/inter.2021.13.3.1>

Чернова Жанна Владимировна

Социологический институт РАН — филиал ФНИСЦ
РАН, Санкт-Петербург, Россия

Санкт-Петербургский государственный университет,
Санкт-Петербург, Россия

E-mail: chernova 30@mail.ru

Шпаковская Лариса Леонидовна

Социологический институт РАН — филиал ФНИСЦ
РАН, Санкт-Петербург, Россия

E-mail: slarisalarisa@gmail.com

Статья посвящена анализу представлений женщин, относящихся к трем поколениям, о своих правах. Социальные права женщин рассматриваются как часть концепта гендерного гражданства, включающего идеологически и институционально оформленные представления о нормативном гендерном контракте для женщин, как адресатов социальной политики, а также их собственные смыслы и значения, которые они приписывают своему статусу. Эмпирической базой данного исследования выступили 45 биографических интервью с женщинами трех поколений (1950-х, 1970-х и 1990-х годов рождения). Гайд интервью содержал вопросы о родительской семье, образовании,

профессиональной деятельности, своей семье и родительстве, жилье, организации отдыха и медицинского обслуживания, пенсионного обеспечения. На основе анализа биографических нарративов авторы выделяют три режима гендерного гражданства, типичных для женщин трех поколений. 1) Режим получения поддержки и благ от государства выстраивается через получение поддержек от государства как работниц и матерей в рамках социальной политики и базируется на субъективной оценке женщинами соотношения своего трудового и репродуктивного вклада и получаемого объема помощи со стороны государства. 2) Режим самообеспечения и рыночного потребления благ актуален для женщин среднего поколения, имеющих опыт социализации и начала трудовой жизни в период постсоветских трансформаций. В широком смысле рынок представляется им основным источником благополучия, что определяет их солидаризацию с ценностями неолиберальной экономики и формирует у них навыки компетентных потребительниц самых разных товаров и услуг. 3) Режим требования поддержки и активного потребления социальных благ и сервисов выстраивается на основе проактивной и индивидуализированной позиции женщин в отношении таких источников благополучия, как государство и рынок. Представительницы молодого поколения не только имеют опыт переживания гендерной дискриминации, но и активно используют феминистскую оптику для определения и интерпретации различных жизненных ситуаций в категориях гендерного неравенства как структурно обусловленных различий в жизненных стратегиях мужчин и женщин.

Ключевые слова: гендер; гендерное гражданство; режим гендерного гражданства; права женщин; социальная политика

В данной статье мы хотим показать, как женщины — представительницы трех поколений воспринимают социальные права/гендерное гражданство, для того чтобы выяснить моральную значимость гендерного равенства / социальных прав для них. Индивидуальные представления о гендерном гражданстве понимаются нами как дискурсивный конструкт, который формируется в контексте гендерного порядка и господствующей гендерной идеологии, и выражаются в способности субъектов определять специфику своего жизненного опыта, используя категории прав и гендерного (не)равенства. Другими словами, мы изучаем восприятие индивидами прав как конституирующего элемента гендерного гражданства. Нас интересует, что и как представительницы трех поколений в своих биографических нарративах говорят о правах женщин, гендерном равенстве/неравенстве, социальной справедливости, принципах распределения социальных благ и т.п. Эти повседневные системы интерпретаций жизненного опыта информанток соотносятся с «большими дискурсами» [Козлова, 2005] государственной идеологии, законодательных документов и бюрократического языка, фреймирующего статус граждан, например, в таких категориях, как малоимущие, матери-одиночки, многодетные матери, герои труда, и в целом как получателей различных пособий и льгот. Они адаптируются, преломляются и видоизменяются обыденным сознанием,

приспосабливаясь под повседневные нужды. Такого рода дискурсы включают в себя также «народную мудрость», повседневные рационализации и идеологию «прагматического индивидуализма» [Чернова, Шпаковская, 2020a]. Можно сказать, что эти дискурсивные конструкции, укорененные в разных контекстах, составляют «коллективные представления» (Дюркгейм), являясь частью более широких представлений о том, как устроен социальный мир. Будучи вписанными в социальный опыт конкретных индивидов и групп, они поколенчески, гендерно и классово дифференцированы.

В настоящем исследовании мы исследуем представления женщин, относящихся к трем поколениям, о своих правах. Анализ биографических нарративов позволяет нам рассмотреть категорию гендерного гражданства как проживаемо-го и реконструировать способы фреймирования нарративов о правах женщин, правила чувств, связанные с этими фреймами (как специфические категории, позволяющие раскрыть специфику субъективного понимания гражданства, например, стыд, фрустрация, чувство несправедливости, гордость и пр.). В заключении мы интерпретируем выделенные фреймы в контексте социальной политики в отношении женщин в позднесоветский и постсоветский периоды и делаем выводы о характерных особенностях режимов гендерного гражданства.

Теоретическая рамка: субъективное измерение гражданства и социальных прав

Классическое определение современного европейского гражданства принадлежит Т.Х. Маршаллу: «Гражданство — это статус, который дается полноценным членам данного сообщества. Все, кто обладает таким статусом, равны с точки зрения прав и обязанностей, которые связаны с ним» [Маршалл, 2011: 157]. Маршалл выделяет три элемента гражданства: гражданские, политические и социальные права. К гражданским относятся права, обеспечивающие индивидуальную свободу (свобода личности, свобода слова, вероисповедания, право собственности, право на правосудие пр.). Политические права связаны с возможностями участия в политике в качестве как избирателя, так и участника политических организаций или претендента на выборные должности. К социальным правам, обеспечиваемым государством, относится широкий спектр прав от права на минимум экономического благосостояния и безопасности до права получать в полном объеме доступ к общественным благам и поддерживать стиль жизни, соответствующий стандартам, преобладающим в обществе на данный момент [Мюрберг, 2010: 83–84]. Маршалл полагал, что идеалом гражданства должно быть равенство прав и обязанностей всех членов общества, обладающих данным статусом. Однако на практике декларируемое равенство сосуществует с классовым неравенством, поддерживаемым в том числе и социальной политикой государства [Маршалл, 2011: 158]. Последующие исследования гражданства, помимо классового, акцентировали внимание на таких аспектах прав и специфики их реализации, которые поддерживают гендерные, этнические, расовые, возрастные неравенства [Kremer, 2007; Kallio

et al., 2020]. Наиболее разработанным в научной литературе является понятие гендерного гражданства. Введение данной категории позволило исследователям подчеркнуть специфику положения женщин как в публичной, так и в приватной сфере, обусловленную необходимостью осуществлять функцию заботы о детях, пожилых и других зависимых членах семьи. Репродуктивные задачи, по сути, становятся основанием для формирования социально-экономического неравенства, закрепляя зависимость женщин от поддержки семьи и/или государства, или вовлекая их в глобальные цепочки заботы [Hochschild, 2000; Paid Migrant..., 2016]. Таким образом, механизмы (вос)производства неравенств в рамках государств всеобщего благосостояния стали активно развивающейся сферой современных исследований гражданства.

Одно из направлений исследований производства неравенств связано с изучением их субъективного восприятия и проживания. В частности, одним из таких подходов является концепция проживаемого гражданства (lived citizenship), которая делает акцент на агентности индивидов, на их повседневном опыте как представителей определенных статусных групп, практиках использования имеющихся у них прав и обязанностей, а также смыслов и значений, которые они приписывают им. При таком фокусе рассмотрения исследователей интересует не формальное измерение категории гражданства, а повседневность, выступающая ареной, где формируются, оспариваются и трансформируются доминирующие модальности гражданства [Lister, 2007].

Выделяются четыре основных измерения проживаемого гражданства: пространственное, интерсубъективное, измерение перформанса и эмоциональное измерение [Kallio et al., 2020]. Под пространственным измерением гражданства понимаются территории, с которыми люди себя идентифицируют. Исследователи отмечают, что в современном мире национальные и локальные идентификации становятся все более размытыми. Индивиды включаются в глобальную массовую культуру, часто путешествуют или мигрируют, в результате они мыслят о себе не только с точки зрения принадлежности к национальным государствам, но могут представлять себя, например, гражданами Европы или мира. Интерсубъективные аспекты гражданства связаны с тем, что люди вырабатывают смысл тех или иных политических мер и событий не индивидуально, а совместно, общаясь друг с другом, коллективно приписывая им смыслы и значения, передавая друг другу «народное знание» относительно того, как надо действовать, например, для получения пособий и статусов. Измерение перформанса позволяет обратить внимание на те моменты, когда индивиды действуют как граждане (например, защищая свои права или требуя признания себя). Эмоциональное измерение подчеркивает ключевое значение чувств, которые индивиды испытывают как граждане, носители тех или иных статусов или получатели социальной помощи: например, чувство гордости, связанное с принадлежностью к общности, или чувство стыда, связанное с приписыванием статуса «бедного» или «матери-одиночки». При этом отмечается, что смыслы и значения гражданства не отделимы от эмоций, с этим связанных. Исследования проживаемого гражданства часто фокусируются на опыте и субъективностях депривированных групп: мигрантов, женщин и меньшинств.

Подход изучения гражданства как проживаемого открывает возможности для выработки более нюансированного взгляда на опыт индивидов — участников локальных сообществ, а также носителей гражданских статусов, их прав и обязанностей. Он показывает опыт гражданства как крайне разнообразный, добавляя измерения гендера, класса, этничности, возраста в достаточно традиционные исследовательские темы изучения гражданства. Таким образом, даже опыт относительно привилегированных групп, например женщин из среднего класса, оказывается дифференцированным и часто противоречивым.

Следуя традиции анализа проживаемого гражданства, мы концентрируем наше внимание на повседневности, обыденных смыслах и значениях, а также эмоциях, которые переживают российские женщины трех поколений как носительницы гражданских статусов, имеющие доступ к социальным правам. Для того, чтобы изучить субъективное восприятие гражданских прав женщинами, мы используем понятие «правила фреймирования» (framing rules), которое разрабатывает А. Хохшильд [Hochschild, 2003: 99], а также концепт «режима гражданства» (citizenship regimes) Э. Тонкенс [Tonkens, 2012].

В первом случае речь идет о правилах, используемых индивидами для определения и понимания повседневных ситуаций, связанных с гражданством. А. Хохшильд выделяет три типа «правил фреймирования»: моральные, прагматические и исторические [Hochschild, 2003: 116]. Моральные правила фреймирования касаются представлений о том, что правильно и приемлемо с этической точки зрения для представителей определенной социальной группы. Прагматические правила фреймирования задают репертуар возможных действий и реакций индивида на то или иное событие в личной и социальной жизни. Исторические правила фреймирования соотносят контекст личной биографии индивида в различные периоды его/ее жизни с опытом представителей более старших поколений, например матерей или бабушек.

А. Хохшильд использует понятие «правила фреймирования» как концепт, позволяющий показать взаимосвязь между правилами и чувствами, когнитивными и эмоциональными определениями той или иной жизненной ситуации. Так, гендерный контракт «работающая мать» может быть рассмотрен как пример фреймирующего правила, предписывающего женщинам определенную модель брачно-репродуктивного, а также экономического поведения.

Правила фреймирования связаны с другим важным для А. Хохшильд понятием — «правила чувств», то есть эмоциональными реакциями, которые предполагает ситуация. Правила фреймирования включают правила чувств, задающие, например, нормативную эмоциональную тональность материнства, ожидания, что женщины будут чувствовать себя счастливыми, ухаживая и заботясь о детях, и испытывать чувство вины и фрустрации, не имея возможности посвящать все свои силы и время их воспитанию. Таким образом, «правила фреймирования» определяют те смыслы и значения, которые индивиды должны приписывать ситуациям, а правила чувств указывают на то, какие эмоции люди должны испытывать, находясь в конкретной ситуации с уже заданным способом интерпретаций [Turner, Stets, 2005: 41].

Понятие режима гражданства ввела Э. Тонкенс для того, чтобы преодолеть разрыв между макро- и микроуровнем рассмотрения процессов взаимодействия в подходе, предложенном А. Хохшильд [Tonkens, 2012]. Так, концепты глобализации и коммерциализации, которые активно использует А. Хохшильд для анализа эмоционального труда, не могут в полной мере объяснить, как он (вос)производится на уровне повседневного межличностного взаимодействия. По мнению Э. Тонкенс, влияние макроконцептов осуществляется посредством институциональных механизмов, которые выступают промежуточным звеном между этими двумя уровнями взаимодействия. Концепт «режима гражданства» представляет собой понятие мезоуровня. Под ним понимается идеология и устройство конкретных институтов, а также практики, повседневные рутинизированные способы взаимодействия и их интерпретации, формализованные правила регламентации работы и неформальные правила. Режим гражданства выстраивается на определенных правилах фреймирования и правилах чувств, которые становятся конвенциональными для индивидов, находящихся в сходной жизненной ситуации. Они являются «ключом» к активизации позиции граждан, использующих доступные им институциональные механизмы для формирования собственной повестки и выработки способов интерпретации тех или иных проблем. В этом смысле индивиды в рамках режима гражданства не просто играют роль объектов заботы со стороны государственной социальной политики, но и могут на мезоуровне переопределять ситуацию и перераспределять доступные им ресурсы в соответствии с собственными представлениями о социальных правах и социальной справедливости. Переживание социальной политики, способы ее понимания и связанные с этим действия определяются эмоциями и «правилами чувств», которые как предписывают институты, так и вырабатываются самими индивидами в ответ на внешние воздействия [Tonkens, 2012: 201]. Глобальные тренды, связанные с изменением, например, демографического поведения граждан, стремительный рост численности женщин, участвующих в оплачиваемой занятости, вызывают ответные меры на уровне государства (например, изменение семейной политики, реформа системы пенсионного обеспечения), которые могут совпадать, а могут и идти вразрез с институционализированными правилами формирования и правилами чувств. Изменения идеологии и набора мер поддержки в рамках того или иного направления социальной политики создают новый режим гражданства как набора идеологических представлений и институциональных механизмов для восприятия и реализации социальных прав. Далее мы рассмотрим, каким образом изменение социальной политики и ее идеологии в позднесоветское и постсоветское время было связано со способами восприятия женщинами своих прав, и какие гендерные режимы гражданства возникали на пересечении этих макро- и микроуровней. Мы рассматриваем восприятие социальной политики женщинами трех поколений, поскольку их формативные годы и периоды активной репродуктивной и профессионально жизни приходились на разные этапы социальной политики в России.

Социальная политика в отношении женщин

Социальная политика в отношении женщин была частью советского гендерного проекта, ориентированного на (вос)производство формального равенства при активном участии государства. Эта политика основывалась на различных представлениях об обязанностях граждан в зависимости от их пола. Женщины выделялись в отдельную категорию граждан на основе репродуктивного труда, выполнение которого им предписывалось как в семье, так и в обществе в целом. Взамен они получали «защиту» от государства как матери, а также экономическую независимость через доступ к оплачиваемому труду. Обязанность мужчин главным образом заключалась в том, чтобы участвовать в труде, строительстве коммунизма и управлении обществом, в то время как государство брало на себя ответственность за выполнение традиционных мужских ролей отца и кормильца [Ashwin, 2000]. Советский гендерный порядок принято определять как этакратический. Он включал в себя два гендерных контракта, различных по своему содержанию в зависимости от пола. Женский вариант — это гендерный контракт «работающая мать», в котором делается акцент на совмещении профессиональных и семейных, материнских обязанностей, вменявшихся советской женщине государством [Темкина, Роткирх, 2002; Айвазова, 2011]; мужской — контракт «строителя/защитника коммунизма», который предполагал исключительно выполнение долга перед страной и практически не учитывал семейных обязанностей мужчины [Чернова, 2007].

Гендерное гражданство для женщин включало предоставление им полного объема гражданских, политических и социальных прав. Модель советской социальной политики в отношении женщин была выстроена вокруг их поддержки в первую очередь как работниц, которые могут совмещать оплачиваемую занятость с материнством. Советское трудовое и семейное законодательство подчинялось протекционистской логике и было направлено на предоставление дополнительных поддержек работающим женщинам со стороны государства. По сути, социальная политика была направлена на дефамилизацию женщин [Orloff, 1993], когда место работы становилось точкой доступа к благосостоянию (например, образование, жилье, здравоохранение, отдых, пенсионное обеспечение).

Работа и материнство фреймировались официальным дискурсом как гражданская обязанность женщин. При этом правила чувств материнства оформляли его как позитивный опыт, необходимый для реализации настоящей женственности, а также как «счастье». Государство «заботилось» о женщинах, предоставляя им широкий спектр поддержек, которые должны были помочь им выполнять свои обязанности и стать полноценной советской гражданкой. Материальные поддержки были направлены на то, чтобы улучшить материальное положение семей с детьми через прямые и косвенные выплаты. Они включали следующие меры: отпуск по беременности и родам, предоставляемый женщинам; детские пособия; налоговые льготы многодетным семьям; жилищные программы для молодых и многодетных семей и пр. Второй тип мер — сервисные поддержки, предоставляемые государством, направленные прежде всего на то, чтобы

обобществить такие функции семьи, как ведение домашнего хозяйства, воспитание детей и забота о них через создание сети социального обеспечения. Сюда можно отнести меры по созданию и развитию общепита, системы дошкольного и школьного образования, например, круглосуточные ясли и детские сады, школы с продленным днем, школы-интернаты для всех детей и пр.

Постсоветские трансформации знаменуют следующий этап социальной политики. Они внесли существенные изменения в структуру общества, в формирование новой, отличной от советской стратификационной матрицы, появилось многообразие стилей жизни различных семей, связанное с их классовой принадлежностью, экономическим и социальным статусом. Вместо государственной социалистической экономики возникли рыночные механизмы, рынок стал важным институтом в обеспечении потребностей семьи. Изменилось законодательство, регулирующее брачно-семейные отношения, оно стало более гендерно-сбалансированным, материнство и детство как объекты заботы со стороны государства были заменены категорией родительства, включающей также и отцовство. Принципы предоставления государственных поддержек семьям также изменились: если раньше всем обеспечивался социально принятый материальный и сервисный стандарт, то в постсоветский период помощь предоставлялась лишь наиболее нуждающимся гражданам с семейными обязанностями. Качество и способы обеспечения благосостояния семей стало зависеть от их социально-экономического статуса, в осуществлении социальной заботы о детях стало участвовать большее число агентов — помимо государства и семьи, эти услуги начали оказывать рыночные акторы и добровольческие организации. В целом семья приобрела большую автономию от государства.

Середину 2000-х годов можно связать с новым этапом социальной политики. Идеал буржуазной семьи с четким разделением гендерных ролей, активно (ре)презентируется медиадискурсом, формирующим образ «настоящего» мужчины как «сильного кормильца» и женщины-домохозяйки. В этот период активно распространяются идеи ответственного родительства, связанные в первую очередь с идеологией интенсивного материнства, что вносит вклад в сохранение гендерно-асимметричного родительства [Чернова, Шпаковская, 2020б]. Государство перестало рассматривать работу и материнство в качестве социальной обязанности женщин, а также больше не гарантировало им обязательную профессиональную занятость. Материнство и забота о детях стали фреймироваться как результат индивидуального выбора женщины. Дискурсивно материнство определяется как «ответственное», результат сознательного решения, которое принимают женщины с учетом своих жизненных обстоятельств, что также должно позволить им взять полную ответственность за благополучие своих детей. При этом правила чувств материнства по-прежнему представляют его как счастье, позитивный и обязательный опыт в жизни женщины. Государственная политика исходит из того, что мужчины принимают на себя основные задачи по поддержанию благосостояния семьи.

С 2007 года формируется официальный дискурс пронатализма, надстраивающийся над сложившимися асимметричными гендерными паттернами в сфере семьи и родительства в виде конструктов «традиционной российской

семейной культуры» и «традиционных семейных ценностей», и эта культура противопоставляется «западной цивилизации» с характерными для нее ценностями гендерного равенства и прав человека, а также советскому прошлому. Декларируются цели стимулирования рождаемости, обеспечиваемые такими мерами, как материнский/семейный капитал, программы поддержки приобретения жилья семьями с детьми, увеличивается размер пособий матерям в связи с рождением ребенка, а также в период декретного отпуска и отпуска по уходу за ребенком. Расширяется количество единоразовых выплат, предоставляемых на универсалистских основаниях. Активно обсуждается проблема доступности детских садов, и качества предоставляемых ими услуг. Создаются условия для реализации разного типа гендерных контрактов, прежде всего женщинами. При этом институционально поддерживается советская версия контракта «работающей матери», хотя общий объем поддержек матерей со стороны государства сокращается по сравнению с советским временем. Сложившаяся в советский период горизонтальная и вертикальная гендерная сегрегация рынка труда сохраняется и в современной России. Она усугубляется высокой конкуренцией на рынке труда, в которой женщины чаще оказываются в менее выгодном положении, поскольку вынуждены сочетать работу с выполнением семейных ролей.

Таким образом, на каждом из выделенных нами этапов политика государства в отношении женщин задает устойчивый институциональный контекст режимов гражданства. Гендерная идеология, идеалы заботы, транслируемые официальным дискурсом, а также поддерживаемые институциональным дизайном государственной политики, задают смысловую рамку, которую используют граждане (принимая или критикуя ее) для интерпретации своих индивидуальных жизненных выборов, а также фреймирования своего опыта, настройки и осмысления своих эмоций.

Гендерное гражданство в общественном мнении

Современное российское законодательство декларирует гендерное равенство гражданских и политических прав. При этом законодательство о семье поддерживает женщину-мать, а также использует такие категории, «как традиционные семейные ценности», «традиционная семья», которые связаны с поддержкой различных ролей мужчин и женщин в приватной и публичной сферах. Положение женщин в современном российском обществе может быть охарактеризовано с помощью статистических данных. Подавляющее большинство женщин в фертильных возрастах работает, что фактически означает совмещение работы и материнства. По данным Росстата, в 2017 году уровень участия женщин в рабочей силе в возрастах от 25 до 39 лет составил 84,7% [Мужчины и женщины в России, 2018]. При этом разрыв в оплате труда мужчин и женщин в 2019 году, который является одним из основных показателей гендерного неравенства, составил 27,9%, что превышает среднемировой показатель [Женщины в экономике, 2021: 5]. Начиная еще с 1970–1980-х годов устойчиво растет число разводов: практически каждый второй брак

заканчивается разводом. Несмотря на отсутствие доступных статистических данных, эксперты отмечают, что не менее 90% детей после развода остаются с матерью [Семья в центре..., 2009; Детерминанты репродуктивного..., 2010: 23; Ржаницына, 2012: 14]. Согласно данным Росстата, общий долг по алиментам в России составляет более 158 млрд рублей [Ржаницына, 2021: 131]. Это говорит об уязвимости положения женщин с точки зрения возможностей поддержания своего благосостояния и профессионального продвижения.

Опросы общественного мнения показывают наиболее распространенные формы восприятия и смыслы, приписываемые гендерному гражданству. На уровне установок массового сознания формальное гендерное равенство, подразумевающее равный доступ мужчин и женщин к образованию, работе, участию в политической сфере, не ставится под сомнение. Гендерная идеология российского общества в зеркале общественного мнения представляет собой микс эгалитарных и консервативных представлений относительно предназначения мужчин и женщин, а также о разделении гендерных ролей в публичной и приватной сферах [Чернова, Шпаковская, 2020a]. Так, согласно данным ВЦИОМ, 42% респондентов считают, что равноправие мужчин и женщин «возможно только в отдельных сферах», при этом 38% полагают, что «полное равенство прав возможно во всех сферах». В качестве устойчивой нормы сохраняется неоднозначное отношение к феминизму как со стороны мужчин, так и со стороны женщин. Практически половина ответивших не поддерживают феминизм «как общественное движение, направленное на достижение равенства полов в различных сферах общественной жизни» (55%). Чуть больше 30% одобряют феминистскую повестку, считая ее актуальной для российского общества¹.

Несмотря на длительную поддержку формального равенства социальных прав мужчин и женщин, в современном общественном мнении достаточно распространены консервативные взгляды на роль женщины в обществе, что обосновывает устойчивую гендерную асимметрию в сфере профессиональной занятости (которая подтверждается статистическими данными о гендерном профиле рынка труда). По мнению подавляющего большинства респондентов (72%), женщина должна уделять больше времени и внимания выполнению своих семейных и материнских обязанностей, чем карьере и личному развитию². При этом участие женщин в оплачиваемой занятости не ставится под сомнение. Согласно коллективным взглядам, работающим женщинам лучше

¹ Общероссийский телефонный опрос «ВЦИОМ—Спутник» проведен 10.03.2019 по стратифицированной двухосновной случайной выборке стационарных и мобильных номеров объемом 1600 респондентов 18 лет и старше. Данные опубликованы в аналитическом обзоре «Гендерное равенство в России: идеал или ложная цель?» 20.03.2019 на сайте ВЦИОМ. URL: <https:wciom.ru/index.php?id=236&uid=9601> (дата обращения: 19.05.2021).

² Общероссийский опрос «ВЦИОМ—Экспресс» проведен 01–02.03.2014 методом поквартирных face-to-face интервью, выборка 1600 человек 18 лет и старше, стратифицированная многоступенчатая с квотами по социально-демографическим параметрам, репрезентирует население РФ по типу населенного пункта, полу, возрасту, образованию. Данные опубликованы в аналитическом обзоре «Выбор женщины: карьера или семья?» 07.03.2014 на сайте ВЦИОМ. URL: <https:wciom.ru/index.php?id=236&uid=862> (дата обращения: 30.05.2021).

занимать руководящие должности в наиболее «подходящих» для них сферах, где они смогут выполнять функции социального материнства: образование, здравоохранение, культура и воспитание, индустрия красоты¹.

Возможность профессиональной карьеры в политике для женщин также соответствует принципам гендерной сегрегации рынка труда. 68 % россиян не видят женщину на посту президента РФ, и только 21 % полагают, что женщина может занимать эту позицию. Вместе с тем женщин готовы видеть в должности министров, курирующих социальные вопросы: здравоохранение, социальное обеспечение и образование (69 %), но не рассматривают в качестве министров силовых ведомств (83 %)². Несмотря на то, что семья расценивается как главная сфера самореализации женщин, на уровне общественного мнения артикулируется запрос на гендерное равенство в семье. Около половины респондентов полагают, что домашние обязанности (забота о детях, приготовление еды, глажка, уборка, стирка и пр.) мужчины и женщины должны выполнять совместно³.

Однозначный выбор между семьей и карьерой в пользу семьи на уровне предпочтений поддерживают 57 % мужчин и 50 % женщин. Личный опыт респондентов и членов их семей показывает, что гендерный контракт «работающая мать» по-прежнему остается распространенным способом выстраивания женских биографий (по оценкам 23 % мужчин и 31 % женщин). Карьерно-ориентированная модель выстраивания баланса семьи и работы кажется привлекательной 16 % мужчин и 17 % женщин⁴.

Асимметрия гендерного гражданства также видна в ответах респондентов на вопрос о разделении домашнего труда. В частности, мужчины в большей степени считаются ответственными за материальное обеспечение семьи, оплату счетов и мелкий ремонт по дому, в то время как женщины больше

¹ Общероссийский телефонный опрос «ВЦИОМ—Спутник» проведен 09–12.09.2019 по стратифицированной двухосновной случайной выборке стационарных и мобильных номеров объемом 1600 респондентов 18 лет и старше в рамках исследования, подготовленного рабочей группой комитета по женскому лидерству Ассоциации менеджеров при участии KFC Russia, Mastercard, PepsiCo, VTB Capital. Данные опубликованы в аналитическом обзоре «Лидерство: гендерные стереотипы отстают» 26.11.2019 на сайте ВЦИОМ. URL: <https:wciom.ru/index.php?id=236&uid=10026> (дата обращения: 11.05.2021).

² Общероссийский телефонный опрос «ВЦИОМ—Спутник» проведен 01.03.2020 по стратифицированной двухосновной случайной выборке стационарных и мобильных номеров объемом 1600 респондентов 18 лет и старше. Данные опубликованы в аналитическом обзоре «Сохранить прекрасный пол» 06.03.2020 на сайте ВЦИОМ. URL: <https:old.wciom.ru/index.php?id=236&uid=10188> (дата обращения: 14.05.2021).

³ Общероссийский телефонный опрос «ВЦИОМ—Спутник» проведен 28.02–01.03.2018 по стратифицированной двухосновной случайной выборке стационарных и мобильных номеров объемом 2000 респондентов 18 лет и старше. Данные опубликованы в аналитическом обзоре «Равенство в семье: от деклараций — к реальности?» 06.03.2018 на сайте ВЦИОМ. URL: <https:wciom.ru/index.php?id=236&uid=8981> (дата обращения: 12.05.2021).

⁴ Общероссийский опрос «ВЦИОМ—Экспресс» проведен 01–02.03.2014 методом поквартирных face-to-face интервью, выборка 1600 человек 18 лет и старше, стратифицированная многоступенчатая с квотами по социально-демографическим параметрам, репрезентирует население РФ по типу населенного пункта, полу, возрасту, образованию. Данные опубликованы в аналитическом обзоре «Выбор женщины: карьера или семья?» 07.03.2014 на сайте ВЦИОМ. URL: <https:wciom.ru/index.php?id=236&uid=862> (дата обращения: 11.05.2021).

занимаются уходом и воспитанием детей, чаще покупают продукты, а также подарки друзьям и родственникам, выполняют домашнюю работу (мытьё посуды, приготовление еды, стирка белья и глажка вещей). Такие практики, как организация семейного досуга и уход за домашними питомцами, являются эгалитарными¹. Таким образом, советский гендерный контракт «работающая мать» до сих пор легитимен, поскольку от женщин ожидается не только выполнение большей части домашней работы, но и работа в сфере оплачиваемой занятости. Так, участники опросов полагают, что женщины должны вносить в семейный бюджет в среднем 38%², что также соответствует оценкам мужчинами и женщинами своего реального материального вклада в доход семьи.

Таким образом, система смыслов и значений гендерного гражданства, заданная на уровне идеологии и институциональной модели государственной политики, адаптируется и используется общественным сознанием в качестве правил фреймирования индивидуальных жизненных выборов и биографических событий. Данные опросов отчетливо показывают, что в качестве смысловых рамок используют консервативную и эгалитарную гендерные идеологии. Хотя они противоречат друг другу по своему содержанию, на уровне массового сознания они примиряются в форме поддержки гендерного контракта работающей матери. Правила фреймирования позволяют компенсировать гистерезис, то есть ситуацию, когда социальные нормы не успевают за практиками. Конвенционально разделяемые смыслы и значения гендерного гражданства на уровне общественного мнения формируют микс эгалитарных и консервативных представлений о статусе женщин и предписываемых им социальных ролях.

Метод и данные

Для того чтобы ответить на наш исследовательский вопрос о способах восприятия женщинами своих социальных прав и понимания гендерного гражданства в зависимости от принадлежности к тому или иному поколению, мы использовали метод биографического интервью. Участницами исследования выступили женщины разных возрастов, которых мы условно отнесли к трем поколениям: 1950-х годов рождения (бабушки), 1970-х годов рождения (дочери) и 1990-х годов рождения (внучки). Критериями отбора респонденток выступали семейный статус (опыт замужества и материнства) и наличие опыта работы в сфере оплачиваемой занятости. Все респондентки на момент интервью проживали в Санкт-Петербурге. Всего было собрано 45 интервью,

¹ Общероссийский телефонный опрос «ВЦИОМ—Спутник» проведен 28.02–01.03.2018 по стратифицированной двухосновной случайной выборке стационарных и мобильных номеров объемом 2000 респондентов 18 лет и старше. Данные опубликованы в аналитическом обзоре «Равенство в семье: от деклараций — к реальности?» 06.03.2018 на сайте ВЦИОМ. URL: <https:wciom.ru/index.php?id=236&uid=8981> (дата обращения: 12.05.2021).

² Там же.

по 15 интервью с представительницами каждого поколения. Выборка формировалась в два этапа: на первом этапе использовались социальные сети исследователей, на втором этапе новые респонденты находились методом снежного кома. Интервью проводились очно, в доверительной обстановке, в соответствии с этическими нормами социологического исследования. В ходе интервью респонденткам предлагалось рассказать о своей жизни, при этом интервьюер должен был помогать вспоминать события, связанные с разными возрастными этапами: детство, организация заботы в родительской семье, отношения с родителями и другими заботящимися взрослыми, учеба, начало трудовой жизни, образование пары, замужество, опыт материнства, организация заботы о собственных детях и их образовательных траекторий, карьерное продвижение, трудовая жизнь, выход на пенсию (для тех, для кого релевантно). Отдельно задавались вопросы об использовании различных сервисов и поддержек от государства, об опыте корпоративной поддержки, участии в гражданской жизни, организациях, профсоюзах, дружбе, взаимной поддержке внутри семьи и ближнего социального круга, конфликтах в семье и на работе и пр. Дополнительно гид по интервью содержал вопросы, непосредственно направленные на изучение восприятия гендерного гражданства: о социальной справедливости, о положении женщин в современном российском обществе, о том, что они думают о своих правах, о специфических женских проблемах, о том, чего не хватает современным женщинам, и о возможных путях решения этих проблем.

В данной статье мы анализируем ответы респонденток о гендерном гражданстве, также интерпретируя их в биографическом контексте. Мы реконструируем повседневные дискурсы о гражданстве и подчеркиваем их различия в зависимости от возраста респонденток и их социального бэкграунда, вписывая эти нарративы в исторический контекст и контекст тех доступных ресурсов, которыми они располагают (культурный, экономический и социальный капиталы).

Для анализа биографических нарративов был использован метод тематического кодирования [Flick, 2006]. Транскрипты всего массива данных интервью кодировались при помощи программы ATLAS.ti. В процессе кодирования мы использовали закрытый список тем, относящихся к восприятию гендерного гражданства: восприятие прав, проблемы женщин, социальная защищенность, пути решения проблем женщин. На основе кодирования были выделены типичные категории, используемые информантками для описания и интерпретации своего опыта гендерного гражданства. Далее эти категории были отнесены к разным типам фреймирования. Они также были интерпретированы с точки зрения анализа эмоций / способами говорения об эмоциях. Выражение эмоций нами рассматривалось как способ интерпретации событий биографии и ситуаций как правильных/неправильных, достойных/недостойных, вызывающих гордость или чувство стыда и фрустрации. Эти эмоции в контексте биографий для нас обозначали разрывы между правилами чувств и когнитивными фреймами, что также давало богатый материал для теоретизации.

Для анализа режимов гражданства мы интерпретировали категории, полученные в процессе кодирования интервью, в более широком контексте социальной политики и современной России, советского общества, а также всей биографии респонденток. При интерпретации категорий интервью мы исходили из того, что нарративы рассказываются респондентками «из сегодняшнего дня», то есть они используют категории и интерпретативные рамки современного официального дискурса и дискурсов обыденного знания. Эти современные дискурсы накладываются, интегрируются и полемизируют в нарративах с дискурсами прошлого, образуя в рассказах участниц исследования сложный уникальный дискурсивный микст. Кроме того, респондентки часто обращаются к категориям и смыслам массовой глобальной культуры, в которую они погружены. Они используют экспертные дискурсы или обращаются к «школьному знанию» для говорения о своих правах и о гендере.

Субъективное восприятие социальных прав женщинами трех поколений

Бабушки: фрейм государственного признания и правила чувств благодарности

Описывая свой биографический опыт, представительницы старшего поколения не проблематизировали для себя положение женщин в Советском Союзе в категориях социальных и гендерных прав. Ответ на этот вопрос приводил информанток в замешательство, поскольку, по их мнению, согласно Конституции, мужчины и женщины имеют равные права. При этом некоторые отмечали, что фактически это равенство означает одинаковое отсутствие прав и уязвимость граждан перед государством в СССР вне зависимости от пола. Некоторые при этом мыслят свои права как пенсионеров, получателей пенсий: «Какие права могут быть у пенсионера в 80 лет? Какие права качать?» (Инна Аркадьевна¹, 80 лет, 2 детей, работала слесарем). Респондентки в этой связи говорят о своем трудовом вкладе и низкой пенсии, неадекватной сделанному ими вкладу. Право на пенсионное обеспечение в данном случае представлено как гендерно недифференцированное, как «естественное» продолжение равного с мужчинами права на участие в оплачиваемой занятости. В контексте нынешней жизненной ситуации — ухода с рынка труда в связи с достижением пенсионного возраста — респондентки говорят о гендерном равенстве «в нужде» и отсутствии адекватной поддержки государства для всех граждан пожилого возраста как пенсионеров:

Р.: Я считаю, сейчас все [пенсионеры] уязвимы.

И.: Почему уязвимы?

Р.: Нестабильность жизни (Маргарита Львовна, 85 лет, 2 детей, работала инженером).

¹ Здесь и далее используются псевдонимы респондентов.

Вместе с тем, вспоминая советское время, респондентки старшей возрастной группы говорят о равенстве всех граждан вне зависимости от пола с точки зрения их государственного обеспечения как «молодых специалистов» или членов «трудовых коллективов», подчеркивая имевшееся у них тогда чувство защищенности со стороны государства и поддержки «товарищей по работе», что давало им уверенность в своем будущем и будущем своих детей:

«Раньше коллективы сплоченные, взаимопомощь и взаимовыручка... О правах не думали, все жили одинаково» (Анна Андреевна, 64 года, 1 ребенок, работала медсестрой).

«Мы все ведь получили квартиры, все от производства. Если молодой специалист приезжал, то все равно его куда-то в общежитие селили на какое-то время. Потом комнату он получал, потом квартиру получал» (Маргарита Львовна, 85 лет, 2 детей, работала инженером).

Другая типичная реакция женщин старшего поколения на этот вопрос определялась их фреймированием себя в категории «беспольных людей», которые уже не нужны и неинтересны государству, поскольку вышли из репродуктивного возраста:

«Даже не знаю, в каком плане для нас женские права: мы уже не рождем, мы уже с детьми не можем государству обеспечить какую-то в этом плане помощь» (Ирина Яковлевна, 69 лет, 1 ребенок, работала технологом).

В этой цитате хорошо видно, что представление о гендерном гражданстве, основанном на репродуктивной функции женщин, оформленное в официальной советской риторике и охранном законодательстве материнских прав, укоренено в субъективном представлении женщин о себе с точки зрения их полезности в решении не только трудовых, но и демографических задач государства.

Взаимные ожидания и поддержки между женщиной и государством подчинены логике социального воспроизводства и ограничены репродуктивным возрастом женщины, по завершении которого они не ждут дополнительной к трудовой пенсии помощи от государства. Респондентки также упоминают права женщин, которые они могут получать в связи с их особым репродуктивным статусом и потребностями, связанными с материнством, например, «мать-одиночка» или мать ребенка с инвалидностью. Фрейм поддержки государством женщины как работницы и матери нормативно предполагает правило чувствования реципиентами социальной поддержки благодарности, удовлетворения и гордости, поскольку они получают вознаграждение (символическое и материальное) за хорошее исполнение предписанных им ролей. Таким образом, сделка между государством как источником благ и женщинами как их получателями считается справедливой большинством информанток, принадлежащих к этому поколению. В случаях же, когда вознаграждение

за хорошую работу (репродуктивную и производственную) оказывается, по мнению участниц сделки, несоразмерным их вкладу, они испытывают сожаление, разочарование, чувство одиночества, собственной ненужности. Сами респондентки пытаются объяснить несправедливость сделки собственными характеристиками (а не высказывают критику в отношении институционального устройства социальной политики): своим возрастом и выходом с рынка труда, а также потерей репродуктивной функции. Примечательно, что представительницы данной возрастной группы в ходе разговора о гендерном гражданстве практически не вспоминают о политических и гражданских правах, сводя понимание прав женщин исключительно к социальной поддержке их как работниц и матерей.

Матери: неолиберальный фрейм и правила рационализации чувств

Рассуждая о своих правах, женщины среднего поколения предлагают более дифференцированную понятийную картину. Они упоминают права не только социальные, но и политические (свобода слова, вероисповедания, перемещения), а также сетуют на то, что не имеют фактического права ходить на митинги «в рамках ограничения на политический протест в текущем законодательстве». Женщины данной возрастной когорты обладают гендерно дифференцированной картиной прав и упоминают специфические женские права как в публичной, так и приватной сфере:

«Свобода принимать решение — рожать ребенка или нет, свобода на развод, например, хочу развестись или не хочу — у женщины есть на это право» (Ольга, 39 лет, 1 ребенок, работает учителем).

В их случае фреймирование восприятия женского гражданства обусловлено спецификой самого этапа жизненного этапа респонденток. Как правило, у них имеется достаточно большой стаж профессиональной деятельности, что делает их наиболее чувствительными к проявлению гендерных неравенств на рынке труда в силу имеющегося у них опыта построения собственной карьерной траектории. Значение рынка как места, где (вос)производятся гендерные неравенства, определяется тем, что оплачиваемая занятость является для них основным источником экономического благополучия. Вне зависимости от разделяемой гендерной идеологии, представлений о нормативном разделении труда между мужчинами и женщинами, а также собственного и семейного бэкграунда для представительниц среднего поколения рынок труда выступает тем местом, где гендерные различия заметны:

«XXI век, но есть некоторые стереотипы, что ли. На работе это прослеживается... как минимум, ущемляют права женщин, вот говорят “слабый пол”, в спорте это можно проследить, в отношении... позиционирования мужчинами себя так» (Елена, 47 лет, 2 детей, работает менеджером по кадрам).

Специфика восприятия прав женщин определена особенностями гендерной социализации участниц исследования, совпавшей с периодом изменения гендерного порядка и гендерной идеологии в постсоветской России. Притом что опыт переживания горизонтальной и вертикальной сегрегация на рынке труда является массовым и оценивается респондентками как «социальный факт», только некоторые из них могут определять его в категориях гендерного неравенства:

«Я же не могла устроиться на работу, мне сразу говорили: специальность не та, только для мальчиков, не может быть женщина инженером по автоматизации! Почему не может — не знаю. То есть есть такая гендерная дискриминация, и в плане карьерного роста, кстати говоря, тоже. Предпочтения все-таки делают мужчинам. Если начальник отдела, то, скорее всего, это будет мужчина. Всегда там, если это мужчина или женщина, то, скорее всего, и зарплата повыше должна быть у мужчин, женщинам и так сойдет» (Анастасия, 40 лет, 4 детей, работает инженером).

Представительницы данного поколения, рефлексировав по поводу специфики женской занятости, все же редко используют для описания своего личного опыта такую категорию, как «дискриминация», а, скорее, говорят о сложностях на работе, с которыми им как работникам, вне зависимости от гендерной принадлежности приходилось сталкиваться:

*«За всю свою жизнь я ни разу не столкнулась с тем, что меня ущемляли. Может быть, такое было на работе, **но было скрыто какими-то другими показателями**. Просто бывают же такие должности, где считается, что мужчина справился бы лучше, не возьмем мы женщин, и все. Но я с таким не сталкивалась, может быть, в силу моих должностей» (Наталья, 43 года, 1 ребенок, работает супервайзером).*

«Есть у нас некоторая несправедливость, прослеживается, конечно, но я не могу сказать, потому что сама я не сталкивалась с ущемлением своих прав по половому признаку ни на работе, и нигде вообще...» (Елена, 47 лет, 2 детей, работает менеджером по кадрам).

Данный фрейм восприятия прав может быть описан как неолиберальный, поскольку он характеризуется восприятием прав как свободного участия в оплачиваемой занятости, а восприятие социальной справедливости связано с возможностями карьерного продвижения и получения адекватной оплаты труда за свои усилия. Сделка, которую здесь заключают субъекты прав, связана с возможностью коммодификации своего труда. Таким образом, права воспринимаются как получение благосостояния на рынке труда. Рынок становится основным источником благ, при этом государство практически не упоминается как значимый актор. Женщины представляют себя на рабочем месте как неолиберальных субъектов, которые имеют возможность добиться своих целей благодаря собственным знаниям и усилиям.

«Я даже не знаю... я по жизни, так скажем, не чувствовала такого, чтобы мне не хватало... конечно сложно, **все своими силами, но все достижимо было**, мне особо не препятствовало, острого недостатка прав или несправедливости в отношении женщин не было. **Сложно — да, несправедливости — нет**, на себе не чувствовала точно. Видела иногда, но это и так было и есть... это уже не про права, наверно, просто, скорее, несправедливость к работникам вот в корпорациях, но это и со стороны мужчин-начальников, так и со стороны женщин тоже... это не так чтобы ущемление» (Елена, 47 лет, 2 детей, менеджер по кадрам).

Неолиберальный фрейм предполагает правила рационального чувствования гендерного гражданства, связанные с рациональной оценкой своих усилий на рынке труда и полученного вознаграждения. В тех случаях, когда, с точки зрения респонденток, вознаграждение недостаточно, это означает, что они недостаточно старались или мало работали. Такие ситуации не становятся источником сожаления, разочарования и недовольства, они используются респондентками как способ нормализации институционально закрепленных неравенств на рынке труда. В тех случаях, когда женщины смогли сделать успешную карьеру, эта ситуация воспринимается и описывается ими как личное везение, результат удачного стечения обстоятельств. Некоторым участницам исследования — представительницам данного поколения удалось сделать карьеру внутри международных корпораций, которые пришли на российские рынки в начале 1990-х, создав новые карьерные возможности и предложив профессиональный рост, начинающийся с низовых позиций секретарей и референтов и приведший участниц исследования на должности руководителей отделов и предприятий. Эти новые открывшиеся возможности участницы интерпретировали в категориях собственных достижений, а также и «удачи», которая случайно им выпала.

«**Мне просто повезло**, посчастливилось, что я росла в такой атмосфере, что, в принципе, с такими какими-то сложностями, трудностями я в жизни не сталкивалась» (Наталья, 43 года, 1 ребенок, работает супервайзером).

«Я думаю, что есть неравенство, но **мне всегда везло с начальниками-мужчинами**. Они меня всегда поддерживали, давали возможность расти профессионально. Я им очень благодарна. А с такой прямой дискриминацией я никогда не сталкивалась» (Ирина, 47 лет, 1 ребенок, работает специалистом в сфере управления школьным образованием).

В контексте развивающейся постсоветской капиталистической экономики личное везение и удачное стечение обстоятельств, которые позволили информанткам почувствовать свою исключительность в плане отсутствия личного опыта переживания гендерной дискриминации на рынке труда, становится правилом фреймирования, позволяющим не применять к своему профессиональному опыту категории гендерного неравенства.

При этом в различных ситуациях повседневного взаимодействия женщины замечают проявление сексизма по отношению к себе. Например, автомобильная дорога, парковочные места, возможность беспрепятственного передвижения представляют собой в большом городе, перегруженном транспортом, ценный ресурс, за который автоводители часто непосредственно конкурируют между собой. Такая конкуренция интерпретируется респондентками в гендерных категориях:

*«Единственное, с чем я сталкиваюсь почти ежедневно, — это “женщина за рулем”. Вот это меня **бесит до невозможности**, что все, если женщина за рулем, то... я все время так реагирую. Но у меня муж говорит, что я не вхожу в эту категорию, но, опять же... такое отношение предвзятое. Мужики, наоборот, плохо за рулем себя ведут»* (Наталья, 43 года, 1 ребенок, работает супервайзером).

Такие ситуации повседневного сексизма, связанного с конкуренцией за «общие вещи», оказываются сильно эмоционально окрашенными, вызывающими гнев и раздражение. Эти ситуации не вписываются в неолиберальный фрейм усилий и вознаграждения, а потому не могут рационализироваться на уровне чувств.

Информантки, относящиеся к этому поколению, активно потребляют разнообразный медийный контент, где также встречаются с феминистски ориентированными публикациями, которые дают им «новую оптику» для переосмысления своего опыта и сложившихся в обществе гендерных стереотипов. Собственный жизненный опыт, его рефлексия с точки зрения гендерной нормализации делают респонденток более чувствительными к проявлениям гендерного неравенства. Одна из информанток говорит: *«Что мне раньше казалось нормой, не цепляло, сейчас, конечно, когда ты больше читаешь таких феминистических вещей и статей, ты начинаешь отмечать какие-то мелочи. Даже старшее поколение в моей семье может сказать моей племяннице, которая полная девочка, что, если ты будешь много есть, не выйдешь замуж. После этого я начинаю орать, естественно, потому что бред. У нее что, цель выйти замуж в этой жизни?»* (Татьяна, 39 лет, 2 ребенка, индивидуальный предприниматель).

Таким образом, представительницы данного поколения, в отличие от «поколения своих матерей» более чувствительны к проявлению гендерного неравенства в повседневной жизни. Многие из них имеют опыт столкновения с сексизмом, что позволяет им ставить под сомнение адекватность гендерных стереотипов, характерных для постсоветского общества. Но только некоторые из них могут определять его в терминах гендерного неравенства. Большинство же информанток интерпретируют такие проблемы в категориях личных трудностей и проблем, с которыми сталкиваются женщины в своей повседневной жизни. При этом ведущим мотивом, объединяющим нарративы представительниц данного поколения, является собственная исключительность, под чем понимается удачное

«стечение обстоятельств» или жизненное «везение». Они знают о проблемах домашнего насилия или гендерной дискриминации на рабочем месте, но говорят о том, что сами с этими явлениями не сталкивались ни в сфере занятости, ни в сфере семьи:

«Если ее дома избивают или она там насилию подвергается, она имеет право пойти и подать... написать заявление там на своего законного, незаконного супруга, соседа. Мне кажется, это все есть. Я просто счастливая, я этого не знаю, я не обращалась никогда, и надеюсь, не придется» (Ольга, 39 лет, 1 ребенок, работает учителем).

Внучки: фрейм повседневного феминизма и правила чувства справедливости

Молодые женщины — представительницы третьего поколения, чья социализация происходила в постсоветский период, наиболее чувствительны к проявлению гендерного неравенства. В отличие от поколения бабушек и матерей они не только имеют собственный опыт столкновения с гендерной дискриминацией, но и говорят об этом, используя феминистский вокабуляр, который совсем не встречается в нарративах бабушек и редко встречается у матерей. Несмотря на то, что представительницы среднего поколения демонстрируют гендерную чувствительность и замечают проявления гендерного неравенства, в интервью они, равно как и «старшие женщины», дистанцируются от феминизма, не проводя параллелей между собственными идеями и повседневным представлением о гендерном равенстве и феминистскими положениями:

«Я, конечно, не феминистка до мозга костей. Но я считаю, что женщины — это не второй сорт, хотя от мужа я услышала, что жена — это дорогая вещь. Я говорю: “Почему вещь?”, — “Ну, типа ты ей пользуешься и ты должен ее содержать в надлежащем состоянии”. Я думаю, что, так все мужчины думают? Меня, если честно, это покорило, мне было неприятно» (Анастасия, 40 лет, 4 детей, работает инженером).

Феминистская оптика, характерная для младшего поколения, заимствована из глобализированной массовой культуры, учебных курсов, в том числе университетских или интернет-публикаций, а также может быть продуктом повседневного знания или коллективной рефлексии женского жизненного опыта [Чернова, Шпаковская, 2020]. Молодые женщины, используя феминистский язык, видят структурные основания гендерного неравенства, интерпретируя случаи дискриминации не как результат индивидуальных жизненных обстоятельств или отсутствия «везения», но как следствие устройства гендерного порядка российского общества. В приведенной ниже цитате информантка дает свою интерпретацию структурных неравенств рынка труда, имплицитно используя концепты вертикальной и горизонтальной гендерной сегрегации профессиональной занятости:

«Обычно мужчина получает больше. А мужчина получает больше в силу того, что должности, которые занимает женщины, они обычно менее оплачиваемые. И это сильно, я считаю, притесняет женщин. Считается, что врачи, учителя и еще кто-то — это то, что делают женщины. И почему-то эти должности оплачиваются меньше. А грузчики получают больше. Хотя я, если честно, не понимаю, почему врач, учитель должен получать меньше, чем грузчик. Но, по-моему, это складывается из представления, что, если врачом работает женщина, значит, ей можно платить меньше» (Ксения, 29 лет, 1 ребенок, работает аудитором).

«Я вижу с точки зрения политики... избирательной какой-то власти. Не так много у нас женщин во власти. Женщин, мне кажется, в меньшей степени воспринимают, чем мужчин. Женщинам нужно очень много прикладывать усилий — в несколько раз больше, чем мужчине, чтобы добиться чего-то, к сожалению» (Дарья, 31 год, 1 ребенок, работала ивент-менеджером, в отпуске по уходу за ребенком).

В целом респондентки подтверждают наличие у женщин равных формальных прав с мужчинами, воспринимая эту ситуацию как данность и не ставя под сомнение такого устройства социального порядка. Они также разделяют неолиберальный фрейм возможности достижения каждым человеком, вне зависимости от пола, жизненного успеха, полагая, что личные поражения и победы являются результатом его индивидуальных усилий.

«Мне кажется, что в плане карьеры все права есть, и если какая-то женщина говорит, что ей не хватает чего-то, то мне кажется, что она, наверное, не права. Потому что мне кажется, что **каждая женщина может добиться вообще тех же абсолютно результатов, что и мужчина**, если она просто находится в правильной компании» (Алиса, 29 лет, 1 ребенок, работала менеджером по продажам, в отпуске по уходу за ребенком).

Несмотря на то, что молодые женщины согласны с наличием формального гендерного равенства, они отмечают, что в реальной жизни существует неравенство оплаты труда и карьерных возможностей. Основной причиной различия в жизненных шансах мужчин и женщин, с их точки зрения, является гендерно асимметричное родительство, когда рождение ребенка и необходимость осуществления заботы о нем делает позицию женщин на рынке труда более уязвимой.

«Мне кажется, что в плане карьеры все права есть... Вот, но в плане беременности и родов, мне кажется, что здесь женщина просто теряет вообще все, что у нее было» (Алиса, 29 лет, 1 ребенок, работала менеджером по продажам, в отпуске по уходу за ребенком).

«У нас... по сути с работой — принижение по зарплате. Рассматривая статус: женщина замужняя или незамужняя, с детьми или без детей, — это влияет на качество твоего заработка и качество твоей работы в профессии, потому что работодатель не заинтересован в замужних и с детьми. Все влияет. То есть на тебя смотрят, как на объект с параметрами, а не как на профессионала с уже рабочими качествами» (Кристина, 2 детей, работала воспитателем в детском саду, в отпуске по уходу за ребенком).

«Штрафы за материнство», которые вынуждены «платить» женщины, принимая решение о рождении ребенка, осознаются информантками как несправедливое положение дел. Иначе говоря, фрейм повседневного феминизма связан с возможностями получения благосостояния на рынке труда, при этом рассматривает как источник неравенства материнство и заботу. Такой фрейм является критически направленным по своему смыслу, правила чувств здесь связаны с критикой существующего гендерного порядка и требованием большей справедливости. Эмоции выражаются в активном модусе действия и связаны с идеями, которые высказывают респондентки об изменении существующего порядка и улучшении своего положения на рынке труда и в семье (как женщин и работниц).

Разделяя фрейм повседневного феминизма, респондентки видят несколько возможных способов улучшения своей ситуации, таким образом артикулируя запрос на гендерное равенство. Во-первых, они исходят из представления о необходимости гендерного равенства в приватной сфере, а именно большем участии мужчин — прежде всего в организации заботы о детях, считая его одним из способов достижения равенства в публичной сфере. В приведенной ниже цитате респондентка говорит о «декретном отпуске» как причине штрафа за материнство и источнике мужских привилегий:

*«Мне кажется, у современных женщин в России как-то немного прав. Ну, то есть они обычные права, как у всех людей, какие-то есть. **Но проблема в том, что женщина уходит в декрет, это сильно ее ограничивает — несмотря на то, что мужчина тоже может уйти в декрет.** Я очень мало знаю таких мужчин — ну, вот, мой муж... Он неофициально ушел в декрет... И, в общем-то, папы ничуть не хуже, чем мамы, сидят с детьми. Психологически им это сложнее, потому что так в нашем обществе не принято. Но я вообще не вижу разницы. Ну, может, чуть инстинктивно женщинам чуть проще. Но если бы у нас не было каких-то именно социальных проблем, **я думаю, мужчины бы так же прекрасно сидели с детьми, как и женщины. И тогда бы женщины были менее унижены в правах**» (Ксения, 29 лет, 1 ребенок, работает аудитором).*

В следующей цитате респондентка фреймирует гендерно асимметричное родительство как результат несправедливого семейного и трудового законодательства. Данное утверждение не соответствует реально действующим законодательным нормам, которые предоставляют право на отпуск по уходу за

ребенком или оформления оплачиваемого листа нетрудоспособности в связи с болезнью ребенка как матерям, так и отцам. Тем не менее это представление является одним из правил фреймирования, которое базируется на сложившихся практиках правоприменения существующих законодательных норм. Приведенные цитаты из интервью с молодыми женщинами демонстрируют осознанную потребность в равных подержках как матери, так и отца ребенка.

*«В законодательстве прописаны все права по отношению к женщинам с малолетними детьми — не мужчин. Странно. Потому что, например, в нашей семье — так как у нас нет помощи бабушек, дедушек и няни, **мы имеем, мне кажется, одинаковое право на использование каких-то не преимуществ... но более легкое отношение к больничному, к другим делам, связанным с детьми.** Странно, что только женщины в области законодательства на это имеют право... от женщины требуют таких же усилий на работе, независимо от того, есть у нее дети или нет. Твой ребенок — это твоя проблема. **Конечно, это неправильно, это тяжело**» (Виктория, 1 ребенок, работает специалистом отдела по оформлению иностранных граждан).*

Во-вторых, участницы исследования, констатируя неравенство в заботе о детях и считая его источником гендерного неравенства в оплате труда, полагают, что государство должно поддерживать женщин, компенсируя неравенство в структуре семьи и разделении труда в семье, выстраивая дифференцированную политику с учетом жизненных условий. Далее молодая женщина, одна воспитывающая ребенка, говорит о нехватке государственной помощи, которая, с ее точки зрения, могла бы компенсировать отсутствие второго работающего взрослого в семье. Она также высказывает притязания на равенство жизненных шансов для женщин и детей из разных семей на основе принципов декоммодификации [Esping-Andersen, 1990] и дефамелизации [Orloff, 1993].

*«Я все-таки, как мать-одиночка, я считаю, что **маме-одиночке положены льготы — это ненормально, что ты в таких же условиях находишься, как и все остальные, и это просто нечестно.** Если у тебя три ребенка и у тебя муж есть — вы вместе все равно, вы вдвоем, а тут ты один и ребенок. И в принципе он на тебе полностью — 100%, но, у тебя никакой поддержки нет, и у тебя никаких льгот нет, вот это странно для меня. Потому что ты, **если вышел из строя, не дай Бог, и что ребенок? И как он будет, кому он будет нужен, кто будет за ним следить?**» (Олеся, 1 ребенок, работает инженером).*

Для представительниц данного поколения характерно неконсистентное представление об институционально обусловленной специфике профессиональной траектории и карьере заботящегося. Они разделяют неолиберальный фрейм возможности самореализации и продвижения на рынке труда, делая

ставку на свои знания, навыки и компетенции и адаптируясь к существующему гендерному неравенству в оплачиваемой занятости. Говоря о работе, молодые женщины фреймируют гендерное равенство как равенство возможностей. В то же время равенство результатов, трактуемое как возможность поддержания определенного уровня жизни и качества заботы о детях, невозможно, по их мнению, без широкой поддержки со стороны государства.

«Женщинам не хватает поддержки, не хватает садов, не хватает продленок — не хватает всего того, чтобы женщина успешно развивалась. Если у нее нет денег либо спонсора, либо какого-то надежного тыла за собой — женщина не сможет развиваться, она останется в семье, в детях. И с нынешними реалиями — у нас и лагерей нету бесплатных, ничего нет бесплатно. То есть без денег ни-ку-да» (Владислава, 29 лет, 2 детей, работает маркетологом).

Фрейм повседневного феминизма, создаваемый в биографических нарративах молодых респонденток, выстраивается через стремление успешно коммодифицировать свои навыки и умения на рынке труда и компенсировать социально-экономическую уязвимость из-за материнства посредством дефамилизации при активной поддержке государства — в первую очередь через предоставление доступа к институционализированным формам заботы о ребенке. При этом молодые женщины не рассматривают государственную помощь в качестве значимого источника экономической стабильности и социальной защищенности. Так же как и рынок, и брак, социальная политика кажется информанткам нестабильным источником благополучия, поскольку, по их мнению, правила и формы государственной поддержки постоянно меняются, а вводимые программы социальной политики часто имеют ограниченный срок действия. В следующей цитате из интервью респондентка называет свое отношение к государственной помощи скептическим, поскольку она не компенсирует расходы на поддержание стандартов жизни среднего класса, на которые ориентирована участница исследования:

*«Я очень **скептически отношусь к нашему государству**. Меня периодически очень смешат новости, что кому-то подняли зарплату на 200%, когда это в денежном эквиваленте 50 рублей. Или что индексация пенсий была ого-го-го какой, а в рублях это три рубля — это достаточно смешно, когда, в общем-то, прожиточный минимум — это реально те деньги, которые равны просто моей квартплате. А на что жить, в общем-то? Не очень понятно. Я считаю, что это не социальная защищенность» (Дарья, 31 год, 1 ребенок, работала ивент-менеджером, в отпуске по уходу за ребенком).*

Скептический взгляд вписан в фрейм повседневного феминизма. В ситуации, когда основные источники благополучия (рынок, брак, государство) выступают потенциальными источниками риска и нестабильности, скептицизм

в отношении предоставляемых государством социальных прав вынуждает женщин представлять себя в качестве компетентных неолиберальных субъектов. Такие субъекты видят структурные неравенства и расценивают их как причины гендерных различий в публичной и приватной сфере. Они обладают агентностью, способны использовать все доступные им ресурсы и максимизировать любые потенциальные выгоды, связанные с их социально-экономическим статусом: рыночные, государственные, семейные, — эффективно комбинируя и сочетая их по мере необходимости [Чернова, Шпаковская, 2020а].

Таким образом, представительницы данного поколения, в отличие от поколений своих бабушек и матерей, применяют категории гендерного неравенства к описанию своей жизненной ситуации и проживаемого гражданства. Используя феминистскую оптику, они видят структурно обусловленное гендерное неравенство как в публичной, так и в приватной сфере и не склонны объяснять индивидуальные случаи дискриминации женщин в категориях личных трудностей. При этом, как и поколение бабушек, они рассматривают права женщин в первую очередь как репродуктивные и трудовые права, требуя от государства обеспечить большее гендерное равенство как в публичной, так и в приватной сфере. С поколением матерей их объединяет разделение неолиберального фрейма, когда позиция на рынке труда выступает главным источником благополучия женщины и ребенка. Правила фреймирования повседневного феминизма, а также эмоциональные правила скептицизма в отношении поддержек со стороны государства, разделяемые представительницами молодого поколения, выстраиваются на основании дискурса «индивидуального прагматизма» и императива «рассчитывать только на себя» [Чернова, Шпаковская, 2020а].

Заключение: режимы гендерного гражданства

Понятие режима гражданства [Tonkens, 2012] позволяет изучать, как по-разному индивиды реагируют на изменения идеологии и институционального устройства политики государства и адаптируются к новым структурным условиям. Вслед за Э. Тонкенс мы используем данное понятие для анализа восприятия социальных прав представительницами трех поколений, что позволяет реконструировать правила фреймирования и правила чувств [Hochschild, 2003], которые на уровне обыденного сознания и способов интерпретации биографических событий используются женщинами для описания своего гендерного гражданства. Мы адаптируем понятие «режим гражданства» в соответствии с исследовательскими задачами, поскольку нас интересует восприятие своих прав именно женщинами. Мы предлагаем использовать понятие режима гендерного гражданства, которое позволяет анализировать субъективные ответы женщин разных поколений на возникающие институциональные, идеологические, экономические изменения, продуцируемые государственной политикой. Разные способы восприятия «женских прав» укоренены в жизненном опыте респонденток, связанном с воздействием на них разных типов социальной политики, идеологий, устройства государственных и экономических институтов.

Они также укоренены в их классовом бэкграунде, их включенности в массовую культуру. Этот жизненный опыт связан и с использованием определенных понятийных фреймов, производимых государственными институтами для описания жизненных ситуаций, и обращением к определенным правилам чувств, вписанных в способы фреймирования биографических событий и повседневного опыта. Таким образом, понятие режима гендерного гражданства выступает понятием мезоуровня, которое позволяет связать практики и эмоциональные реакции на микроуровне с макроуровнем политик, идеологий, официальных дискурсов и государственных программ.

В целом проведенный анализ показал, что, говоря о своих правах, женщины — представительницы трех поколений склонны понимать женские права как права репродуктивные или права, связанные с деторождением и социальной/экономической защищенностью матери и ее детей. Общим способом фреймирования прав выступает идея обмена между женщиной, которая производит потомство, и государством или обществом. Именно репродукция и репродуктивная польза женщин становится в их понимании основанием для получения социальных благ. Общим для наших респонденток также является то, что права понимаются прежде всего как социальные [Маршалл, 2011], то есть связанные с благами, предоставляемыми государством. Вместе с тем понимание прав как политических маргинально. Представительницы разных поколений, тем не менее, выражают разную степень агентности как участницы символического и материального обмена между обществом и государством.

Мы выделяем следующие режимы гендерного гражданства советского и постсоветского общества, каждый из которых соотносится с определенным типом социальной политики и связанными с ним правилами фреймирования и правилами чувств.

Режим получения поддержки и благ от государства

Основным источником социально-экономического благополучия в этом режиме выступает государство, которое предоставляет различные формы поддержки для женщин как работниц и матерей. Гендерная идеология этого режима рассматривает женщин и детей как объект заботы со стороны государства. Социальный протекционизм женщин осуществлялся за счет законодательных мер охранного характера, а также через материальные выплаты и предоставление доступа к институционализированным формам заботы о детях. Женщины, относящиеся к позднесоветскому поколению, представляют себя в качестве пассивных реципиентов государственной помощи в обмен на социально одобряемое поведение: участие в оплачиваемой занятости и материнство. Отношения между государством и гражданками выстроены на принципах дара, заботы и символического признания (ре)продуктивного вклада женщин. Если конвенции обмена не нарушаются государством как сувереном, то получатели его поддержки испытывают чувства благодарности и справедливого признания их труда. Мы называем такой тип гражданства этакратическим, подчеркивая значение ведущей роли государства в компенсации и минимизации индивидуальных рисков, которые могут возникнуть как в профессиональной, так и в семейной жизни женщин.

Режим самообеспечения и рыночного потребления благ

Ведущим источником благ здесь является рынок, на котором женщины продают свой труд, образование, таланты, предпринимательскую энергию и гендерные ресурсы (внешность, сексуальную привлекательность, возраст и пр.). В обмен на труд и таланты они получают адекватное вознаграждение (согласно рыночной стоимости). Полученные деньги позволяют покупать блага на рынке товаров и услуг. При этом государство как источник социальной защищенности практически не рассматривается.

Получение послешкольного образования, выход на рынок труда и активное материнство женщин, родившихся в 1970-е годы, пришлось на период экономических и социально-политических трансформаций, когда государство существенно сократило объем социальной поддержки граждан, фактически предоставляя минимальный уровень финансовых выплат и социальных услуг.

Женщины-гражданки используют правила фреймирования жизненных ситуаций, предоставляемые неолиберальной идеологией индивидуальной ответственности. Рыночные механизмы рассматриваются ими как универсальные способы поддержания своего благосостояния через активное участие в оплачиваемой занятости, борьбу за рабочие места хорошего качества, позволяющие получить доступ к платным услугам в сфере образования, здравоохранения, заботы о детях и пр. Женщины представляют себя в качестве компетентных потребителей рыночных и государственных сервисов. Данный тип гражданства определяется нами как коммодифицированный, то есть правила фреймирования и правила чувств выстроены в рыночной логике.

Режим требования поддержки и активного потребления социальных благ и сервисов

В данном режиме источниками социально-экономического благополучия выступают как рынок, так и государство. Молодые женщины представляют себя как активных участниц экономических отношений, а также потребителей товаров и услуг, однако при этом требуют от государства компенсации провалов рынка, связанных с социальной защищенностью материнства, и предоставления доступа к качественным медицинским и образовательным услугам.

Жизненные ситуации, с которыми сталкиваются молодые женщины, фреймируются ими при помощи феминистской оптики, связанной с пониманием специфических потребностей и источников уязвимости женщин на рынке труда и позволяющей им видеть структурные причины гендерного неравенства, субъектами которых они сами являются. Вместе с тем женщины часто не используют эксплицитные отсылки к феминизму или даже открыто дистанцируются от него, что заставляет нас говорить о феминизме как о неартикулированной повседневной идеологии. Правила чувств здесь предписывают выражение недовольства, связанного с нарушением гендерной справедливости, выстроенной на оценке вклада индивида вне зависимости от пола, а также требования большего участия отцов в осуществлении повседневной заботы о детях.

Этот тип гендерного гражданства мы назвали проактивным и индивидуализированным, поскольку он связан с разделением женщинами неолиберальной идеологии личной ответственности за собственное благополучие и благополучие своих детей и индивидуальным менеджментом рисков (как и неолиберальный тип), а также с ценностями ответственного родительства, что предполагает не только активное потребление товаров и услуг, но и более качественную включенность в обеспечение заботы о детях как матерей, так и отцов.

Таким образом, советский контракт «работающая мать» остается востребованным как на уровне идеологии и институционального дизайна государственной политики, так и на уровне индивидуальных практик и коллективных интерпретаций биографических событий и повседневности женщин. Этот контракт в разных режимах гендерного гражданства обеспечивается за счет двух основных институтов — государства и рынка. Однако его современная версия наиболее ресурсоемка для женщин, так как он осуществляется не только в ситуации сокращения объема государственной поддержки, но и повышенных требований к качеству заботы о детях, осуществляемой женщинами, а также требования их ответственности за свое благополучие и реализацию своих социальных прав.

Литература

Айвазова С. Контракт работающей матери: нарушения или расторжение? (К вопросу об особенностях гендерной политики в современной России) // Женщина в российском обществе. 2011. № 3. С. 13–22.

Детерминанты репродуктивного поведения населения и факторы семейного неблагополучия: результаты панельных исследований / Отв. ред. Л.Н. Овчарова. Вып. 211. М.: Независимый институт социальной политики, 2010.

Женщины в экономике. Обзор международной и российской повестки. 2021. URL: <https://www.economy.gov.ru/material/file/65f53df7ef144f6f6b43ea8529869f52/101965562.pdf> (дата обращения: 30.04.2021).

Козлова Н. Советские люди. Сцены из истории. М.: Европа, 2005.

Маршалл Т.Х. Гражданство и социальный класс // Капустин Б. Гражданство и гражданское общество. М.: Изд. дом НИУ ВШЭ, 2011. С. 145–206.

Мужчины и женщины в России. Статистический сборник. М.: Росстат, 2018.

Мюрберг И. Т.Х. Маршалл и концептуальная история режимов гражданства // Политико-философский ежегодник. Вып. 3. М.: ИФ РАН, 2010. С. 82–95.

Ржаницына Л. Алименты в России: анализ проблем и стратегия в интересах детей. М.: ИЭ РАН, 2012.

Ржаницына Л. Совершенствование системы получения алиментов — путь снижения бедности // Социологические исследования. 2021. № 4. С. 130–135. DOI: <https://doi.org/10.31857/S013216250013850-8>

Семья в центре социально-демографической политики / Отв. ред. О. Синявская. М.: Независимый институт социальной политики, 2009.

Темкина А., Роткирх А. Советские гендерные контракты и их трансформация в современной России // Социологические исследования. 2002. № 11. С. 4–15.

Чернова Ж. Модель «советского отцовства»: дискурсивные предписания // Российский гендерный порядок: социологический подход / Под ред. Е. Здравомысловой, А. Темкиной. СПб.: ЕУСПб, 2007. С. 138–168.

Чернова Ж., Шпаковская Л. «На других надейся, а сама не плошай». Прагматический индивидуализм как дискурсивная стратегия нормализации биографий молодых представительниц среднего класса // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2020а. № 6. С. 153–174. DOI: <https://doi.org/10.14515/monitoring.2020.6.1691>

Чернова Ж., Шпаковская Л. Семья и родительство // Социодиггер. 2020б. Т. 1. № 2.

Ashwin S. Introduction // Gender, State and Society in Soviet and Post-Soviet Russia / Ed. by S. Ashwin. London: Routledge, 2000. P. 1–30. DOI: <https://doi.org/10.4324/9780203135730>

Esping-Andersen G. Three Worlds of Welfare Capitalism. Cambridge: Polity, 1990.

Flick U. An Introduction to Qualitative Research. London, Thousand Oaks, New Delhi: Sage Publications, 2006.

Hochschild A. Global Care Chains and Emotional Surplus Value // On The Edge: Living with Global Capitalism / Ed. by W. Hutton, A. Giddens. London: Jonathan Cape, 2000.

Hochschild A. The Managed Heart: Commercialization of Human Feeling. Berkeley: University of California Press, 2003. DOI: <https://doi.org/10.1525/9780520930414>

Kallio K.P., Wood B.E., Häkli J. Lived Citizenship: Conceptualising an Emerging Field // Citizenship Studies. 2020. Vol. 24. № 6. P. 713–729. DOI: <https://doi.org/10.1080/13621025.2020.1739227>

Kremer M. How Welfare States Care. Culture, Gender and Parenting in Europe. Amsterdam: Amsterdam University Press, 2007. DOI: <https://doi.org/10.5117/9789053569757>

Lister R. Inclusive Citizenship: Realising the Potential // Citizenship Studies. 2007. Vol. 11. № 1. P. 49–61. DOI: <https://doi.org/10.1080/13621020601099856>

Orloff A.S. Gender and the Social Rights of Citizenship: The Comparative Analysis of Gender Relations and Welfare States // American Sociological Review. 1993. Vol. 58. № 3. P. 303–328. DOI: <https://doi.org/10.2307/2095903>

Paid Migrant Domestic Labour in a Changing Europe: Questions of Gender Equality and Citizenship / Ed. by B. Gullikstad, G. Kristensen, P. Ringrose. London: Palgrave Macmillan, 2016. DOI: <https://doi.org/10.1057/978-1-137-51742-5>

Tonkens E. Working with Arlie Hochschild: Connecting Feelings to Social Change // Social Politics. 2012. Vol. 19. № 2. P. 194–218. DOI: <https://doi.org/10.1093/sp/jxs003>

Turner J., Stets J. The Sociology of Emotions. Cambridge: Cambridge University Press, 2005. DOI: <https://doi.org/10.1017/cbo9780511819612>

Сведения об авторе:

Чернова Жанна Владимировна — доктор социологических наук, ведущий научный сотрудник, Социологический институт РАН — филиал ФНИСЦ РАН, Санкт-Петербург, Россия; профессор факультета свободных искусств и наук, Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия. **E-mail:** chernova30@mail.ru. **РИНЦ Author ID:** 472822; **ORCID ID:** 0000-0003-3416-5287; **ResearcherID:** O-1945-2013.

Шпаковская Лариса Леонидовна — кандидат социологических наук, старший научный сотрудник, Социологический институт РАН — филиал ФНИСЦ РАН, Санкт-Петербург, Россия. **E-mail:** slarisalarisa@gmail.com. **РИНЦ Author ID:** 483603; **ORCID ID:** 0000-0002-4206-4702; **ResearcherID:** D-3403-2016.

Статья поступила в редакцию: 11.07.2021

Принята к публикации: 10.09.2021

Three Regimes of Gender Citizenship: Social Policy Experience of Three Generations of Russian Women

DOI: 10.19181/inter.2021.13.3.1

Zhanna V. Chernova

*Sociological Institute of RAS — Branch of the FCTAS RAS,
St. Petersburg, Russia
St. Petersburg State University, St. Petersburg, Russia
E-mail: chernova30@mail.ru*

Larisa L. Shpakovskaya

*Sociological Institute of RAS — Branch of the FCTAS RAS,
St. Petersburg, Russia
E-mail: slarisalarisa@gmail.com*

The article is devoted to the analysis of ideas of women belonging to three generations about their rights. Women's rights are considered as part of the concept of gender citizenship, which includes ideologically and institutionalized ideas about normative gender contract for women, as well as their own meanings and values that they attribute to their status as recipients of social policy. The empirical basis of this study is composed of 45 biographical interviews with women of three generations (1950s, 1970s and 1990s years of birth). The interview guide also contained questions about parental family, education, professional activity, family and parenting, housing, organization of recreation and medical services, and retirement benefits. Based on the analysis of biographical narratives, the authors identify three modes of gender citizenship that are typical for women of three generations. 1) The mode of receiving support and benefits from the state is built through receiving support from the state as workers and mothers within the framework of social policy and is built on the subjective assessment by women of the ratio of their labor and reproductive contribution and the amount of assistance received from the state. 2) The regime of self-sufficiency and market consumption of goods relevant for women of the middle generation with experience of socialization and the beginning of working life in the period of post-Soviet transformations. In a broad sense, they see the market as the main source of well-being, which determines their solidarity with the values of the neoliberal economy and forms in them the skills of competent consumers of a wide variety of goods and services. 3) The regime of demanding support and active consumption of social goods and services is built on the basis of a proactive and individualized position of women in relation to such sources of well-being as the state and the market. Representatives of the younger generation not only have their own experience of gender discrimination, but also actively use feminist optics to define and interpret various life situations in terms of gender inequality as structurally determined differences in the life strategies of men and women.

Keywords: gender; gender citizenship; gender citizenship regime; women's rights; social policy

References

- Ashwin S. (2000) Introduction. In: Ashwin S. (ed.) *Gender, State and Society in Soviet and Post-Soviet Russia*. London: Routledge. P. 1–30. DOI: <https://doi.org/10.4324/9780203135730>
- Ayvazova S. (2011) Kontrakt rabotayushchey materi: narusheniya ili rastorzheniye? (K voprosu ob osobennostyakh gendernoy politiki v sovremennoy Rossii) [Working mother's contract: violations or

termination? (On the question of the peculiarities of gender policy in modern Russia)]. *Zhenshchina v rossiyskom obshchestve* [Women in Russian Society]. No. 3. P. 13–22. (In Russ.)

Chernova Zh. (2007) Model' «sovetskogo» ottsovstva: diskursivnyye predpisaniya [The model of "Soviet fatherhood": discursive prescriptions]. In: Zdravomyslova E., Temkina A. (eds.) *Rossiyskiy gendernyy poryadok: sotsiologicheskii podkhod* [Russian gender order: a sociological approach]. St. Petersburg: EUSPb. P. 138–168. (In Russ.)

Chernova Zh., Shpakovskaya L. (2020a) "Na drugikh nadeysya, a sama ne ploshay". Pragmaticheskiy individualizm kak diskursivnaya strategiya normalizatsii biografii molodykh predstavitel'nits srednego klassa ["God Help Those Who Help Themselves". Pragmatic Individualism as a Discursive Strategy for Normalizing the Biographies of Young Middle-Class Women]. *Monitoring obshchestvennogo mneniya: ekonomicheskiye i sotsial'nyye peremeny* [Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes]. No. 6. P. 153–174. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.14515/monitoring.2020.6.1691>

Chernova Zh., Shpakovskaya L. (2020b) Sem'ya i roditel'stvo [Family and parenthood]. *Socio-Digger*. Vol. 1. No. 2. (In Russ.)

Esping-Andersen G. (1990) *Three Worlds of Welfare Capitalism*. Cambridge: Polity.

Flick U. (2006) *An Introduction to Qualitative Research*. London, Thousand Oaks, New Delhi: Sage Publications.

Gullikstad B., Kristensen G., Ringrose P. (eds.) (2016) *Paid Migrant Domestic Labour in a Changing Europe: Questions of Gender Equality and Citizenship*. London: Palgrave Macmillan. DOI: <https://doi.org/10.1057/978-1-137-51742-5>

Hochschild A. (2000) Global Care Chains and Emotional Surplus Value. In: Hutton W., Giddens A. (eds.) *On The Edge: Living with Global Capitalism*. London: Jonathan Cape.

Hochschild A. (2003) *The Managed Heart: Commercialization of Human Feeling*. Berkeley: University of California Press. DOI: <https://doi.org/10.1525/9780520930414>

Kallio K.P., Wood B.E., Häkli J. (2020) Lived Citizenship: Conceptualising an Emerging Field. *Citizenship Studies*. Vol. 24. No. 6. P. 713–729. DOI: <https://doi.org/10.1080/13621025.2020.1739227>

Kozlova N. (2005) *Sovetskiye lyudi. Stseny iz istorii* [Soviet people. Scenes from history]. Moscow: Yevropa. (In Russ.)

Kremer M. (2007) *How Welfare States Care. Culture, Gender and Parenting in Europe*. Amsterdam: Amsterdam University Press. DOI: <https://doi.org/10.5117/9789053569757>

Lister R. (2007) Inclusive Citizenship: Realising the Potential. *Citizenship Studies*. Vol. 11. No. 1. P. 49–61. DOI: <https://doi.org/10.1080/13621020601099856>

Marshall T.H. (2011) Grazhdanstvo i sotsial'nyy klass [Citizenship and social class]. In: Kapustin B. *Grazhdanstvo i grazhdanskoye obshchestvo* [Citizenship and civil society]. Moscow: Izd. dom NIU VShE. P. 145–206. (In Russ.)

Muzhchiny i zhenshchiny v Rossii [Men and women in Russia] (2018) Statisticheskiy sbornik [Statistical collection]. Moscow: Rosstat. (In Russ.)

Myurberg I. (2010) T.H. Marshall i kontseptual'naya istoriya rezhimov grazhdanstva [T.H. Marshall and the conceptual history of citizenship regimes]. *Politiko-filosofskiy yezhegodnik* [Political and Philosophical Yearbook]. No. 3. Moscow: IF RAN. P. 82–95. (In Russ.)

Orloff A.S. (1993) Gender and the Social Rights of Citizenship: The Comparative Analysis of Gender Relations and Welfare States. *American Sociological Review*. Vol. 58. No. 3. P. 303–328. DOI: <https://doi.org/10.2307/2095903>

Ovcharova L.N. (ed.) (2010) *Determinanty reproduktivnogo povedeniya naseleniya i faktory semeynogo neblagopoluchiya: rezul'taty panel'nykh issledovaniy* [Determinants of reproductive behavior of the population and factors of family problems: results of panel studies]. No. 211. Moscow: Nezavisimyy institut sotsial'noy politiki. (In Russ.)

Rzhanitsyna L. (2012) *Alimenty v Rossii: analiz problem i strategiya v interesakh detey* [Alimony in Russia: Problem Analysis and Children Support Strategy]. Moscow: IE RAN. (In Russ.)

Rzhanitsyna L. (2021) Sovershenstvovaniye sistemy polucheniya alimentov — put' snizheniya bednosti [Improving the Situation of Children in Divorced Families — A Way to Reduce Poverty in Russia]. *Sotsiologicheskiye issledovaniya* [Sociological Studies]. No. 4. P. 130–135. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.31857/S013216250013850-8>

Sinyavskaya O. (ed.) (2009) *Sem'ya v tsentre sotsial'no-demograficheskoy politiki* [The family is at the center of socio-demographic policy]. Moscow: Nezavisimyy institut sotsial'noy politiki. (In Russ.)

Temkina A., Rotkirh A. (2002) Sovetskie gendernye kontrakty i ih transformatsiya v sovremennoy Rossii [Soviet Gender Contracts and Their Transformation in Contemporary Russia]. *Sotsiologicheskiye issledovaniya* [Sociological Studies]. No. 11. P. 4–15. (In Russ.)

Tonkens E. (2012) Working with Arlie Hochschild: Connecting Feelings to Social Change. *Social Politics*. Vol. 19. No. 2. P. 194–218. DOI: <https://doi.org/10.1093/sp/jxs003>

Turner J., Stets J. (2005) *The Sociology of Emotions*. Cambridge: Cambridge University Press. DOI: <https://doi.org/10.1017/cbo9780511819612>

Zhenshchiny v ekonomike. Obzor mezhdunarodnoy i rossiyskoy povestki [Women in the economy. Overview of the international and Russian agenda] (2021) URL: <https://www.economy.gov.ru/material/file/65f53df7ef144f6f6b43ea8529869f52/101965562.pdf> (accessed 30.04.2021). (In Russ.)

Author bio:

Zhanna V. Chernova — Doctor of Sociology, Leading Researcher, Sociological Institute of RAS — Branch of the FCTAS RAS, St. Petersburg, Russia; Professor, Faculty of Liberal Arts and Sciences, St. Petersburg State University, St. Petersburg, Russia. **E-mail:** chernova30@mail.ru. **RSCI Author ID:** 472822; **ORCID ID:** 0000-0003-3416-5287; **ResearcherID:** O-1945-2013.

Larisa L. Shpakovskaya — Candidate of Sociology, Senior Researcher, Sociological Institute of RAS — Branch of the FCTAS RAS, St. Petersburg, Russia. **E-mail:** slarisalarisa@gmail.com. **RSCI Author ID:** 483603; **ORCID ID:** 0000-0002-4206-4702; **ResearcherID:** D-3403-2016.

Received: 11.07.2021

Accepted: 10.09.2021